
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Не каждому в жизни выпадает такая удача, которая выпала мне. Я, уже не очень молодой человек, однажды познакомился с уважаемым и любимым всей маленькой страной Коста-Рикой великим ее сыном и писателем Хосе Леоном Санчесом. Наше знакомство, несмотря на солидную разницу в возрасте, с тех пор не прерывалось. Иногда случались встречи с этим обоженным тяжелой судьбой человеком. В одну из таких встреч я неожиданно услышал от Леона, что он по-настоящему и всерьез увлекался историей СССР и сейчас увлекается историей России, и что им написано немало статей об этой великой стране. И что одним из его пока что несбывшихся желаний было бы увидеть какое-то из своих произведений изданным на русском языке. При этом писатель достал из портфеля экземпляр своего бестселлера «Остров одиноких мужчин» и, предварительно

подписав, вручил его мне. Подарок мне очень понравился, но словам Леона Санчеса я тогда не придавал большого значения. Да и что я мог предложить великому человеку? Знакомого переводчика у меня все равно не было. Прошло какое-то время, язык его страны стал мне роднее и ближе... и однажды я взял с полки эту книгу, открыл первую страницу и начал читать.

Книга меня по-настоящему потрясла! Я восхищался ее героями и вместе с ними ненавидел жестоких угнетателей. Я тяжело переживал их неудачи и радовался маленьким победам. Негодовал! Да, эта книга не оставляет равнодушным! Она так написана. В этом как раз и заключается истинная гениальность автора — Леона Санчеса. Заставить сопереживать! И еще... перевернув последнюю страницу, я вдруг осознал, что счастлив. Я понял, что и люди вокруг меня такие же счастливые. Ни мне, ни им никогда не приходилось так мучиться и страдать! Потом появился перевод романа на русский язык.

Владимир Антонов

«Остров одиноких мужчин» — удивительный роман о способности человека выживать в ужасных условиях. Герой романа — простой крестьянин Ясинто, оказавшийся по воле судьбы в заключении, наверное, в одном из самых страшных мест на Земле — в тюрьме на острове Сан-Лукас в Коста-Рике. Ярким и насыщенным языком этот простой и любящий жизнь крестьянин рассказывает о том, как каждый день он жаждал свободы на протяжении тридцати лет в тюрьме даже более жуткой, чем та, что находилась на острове Дьявола во Франции. Роман насыщен событиями. Месть, побег, погоня, издевательства, убийства, любовь, ненависть... На фоне событий дается описание непростых, порой ужасных характеров осужденных, отбывающих свой срок там же, и описание их преступлений.

Ясинто рассказывает обо всем этом и о повседневной стратегии выживания, не забывая о присущем ему чувстве юмора. Он повествует

о том, как души людей превращаются в лохмотья, и о том, как он сам благодаря своей неотесанности и простому сердцу смог выжить, сохранив чувство собственного достоинства и несломленность духа.

Автор, Хосе Леон Санчес, наиболее известный заключенный тюрьмы Сан-Лукас за всю историю ее существования, оказался там в 1950 году в возрасте девятнадцати лет и был условно освобожден, когда ему было тридцать шесть. История Ясинто создавалась именно в Сан-Лукасе на основе опыта, пережитого не только героем, но и самим автором, его сокамерниками и сотнями других заключенных, отбывавших срок на острове. Записанная на маленьких клочках бумаги и до поры до времени спрятанная в вещевом мешке, история Ясинто смогла преодолеть застенки и оказаться на свободе, где немедленно стала сенсацией, бестселлером в Мексике и Испании.

Жизнедеятельный и энергичный Леон Санчес после выхода на свободу посвятил свою жизнь реформам исправительной системы Коста-Рики.

Он подарил нам «Остров одиноких мужчин» как захватывающую историю и как знак надежды.

Камило Хосе Села

Нобелевская премия по литературе 1989

ОСТРОВ ОДИНОКИХ МУЖЧИН

*Пролог автора к первому
(подпольному) изданию*

Центральная тюрьма Сан-Хосе, Коста-Рика, 1950 год. Темница в короткие утренние часы. Громкий звук поворачивающегося в дверном замке ключа оповещает, что совсем скоро мы будем переведены в тюрьму Сан-Лукас, находящуюся на острове в заливе Никоя. Остров тоже называется Сан-Лукас.

Некоторые из моих соседей по камере молятся, стоя на коленях. Они не хотят туда. Такое поведение давно осужденных людей для меня сюрприз, заставляющий удивляться: «Разве может быть на земле еще более нечеловеческое, вызывающее боль и ужас место, чем то, в котором мы сейчас находимся?».

Понадобилось совсем немного времени, чтобы найти ответ на этот вопрос.

В то время Сан-Лукас как раз и был таким ужасным местом, одно лишь воспоминание о котором заставляет меня страдать вновь и вновь. Сегодня я впервые перечитал эту книгу с тех пор, как закончил ее в 1963 году, и это опять вызвало боль. Память не отпускает, иногда она заставляет меня плакать, потому что страницы этой книги — не выдумка. Я ощущаю плотью своего тела раскаленный металл, долгие дни в темнице, руки, замкнутые оковами. Еще я чувствую и то глубокое презрение ко мне как к человеческому существу. Там, в тюрьме, я понял, что человек может опускаться долго и бесконечно, пока не превратится в собаку или в существо похуже собаки.

Однажды, когда я работал в команде «чистильщиков» на территории тюрьмы, нам приказали выбросить большое количество старых книг прямо в море. В этих книгах содержались записи о том, что происходило в тюрьме на протяжении многих лет. События, наказания, посещения, происшествия, распоряжения. Все! Мне удалось сохранить одну из этих книг. Это позволило познакомиться с совершенно невероятным, ужасным и в то же время абсолютно безразличным отношением тюремной власти к человеческим жизням. Я подумал: «Если тюрьма настолько ужасна сейчас, в 1950-м, то как я могу сомневаться в том, что читали мои глаза о ее прошлом?» Эта история

должна была быть рассказана для того, чтобы мы — сыновья Коста-Рики — не смогли ее забыть никогда. В 1950-м в тюрьме находились осужденные, срок пребывания которых в Сан-Лукасе уже превышал двадцать восемь лет. Они представляли собой не более чем имитацию или жалкое подобие человека... Для меня было достаточно просто воссоздать эту историю со всей присущей ей глубокой грустью и сожалением.

Коста-риканский историк дон Анастасио Альфаро в своей книге «Американская криминальная археология» написал о тюрьме Сан-Лукас несколько страниц. В них он говорит нам: «...малярия разрушает тело человека до такой степени, что те, кто не умер в тюрьме, никогда не смогут вернуться к нормальной жизни на свободе. ...при двадцатипроцентной ежегодной смертности узник, осужденный на пять лет в Сан-Лукасе, имеет все шансы навсегда оставить свои кости именно там».

Вот так, основываясь на том, что мне удалось изложить на страницах этой книги: фрагментах, фактах, мыслях, убеждениях — я пришел к выводу, что мне в моей жизни пришлось столкнуться с трагедией, которая на самом деле представляет собой болезнь общества; продукт преступного безразличия к личности, лишенной свободы в месте, называемом тюрьмой.

Писатель Эрнесто Хелло высказался однажды о писательской профессии. Мне кажется, что было бы правильно упомянуть здесь о его словах: «Писатель ощущает всем своим существом болезненный парадокс, суть которого заключается в непреодолимом стремлении к идеалу, одновременно с этим валяясь, подобно животному, в вязкой грязи убогой реальности. Этот парадокс заставляет нас живо воспринимать реальности жизни, зажигает в нас огромное желание делать лучше».

В этой книге я рассказываю о тюрьме Сан-Лукас начала двадцатого столетия. Плетки и цепи издают характерные звуки, соприкасаясь с телами заключенных, которые считают себя настоящими «мачо», или тех, кто является обыкновенными дегенератами. Тем немногим невиновным тоже не удается их избежать. Я хочу показать глубоко спрятанные внутри, часто жалкие, а иногда очень сильные характеры человеческих существ, содержащихся на острове в неволе, подобно зверью. Цель этой книги не в том, чтобы заставить людей ощутить горечь сочувствия к прошлому. Она является приглашением думать о будущем.

Хосе Леон Санчес

*«Бог этого не видел.
Он смотрел в другую сторону»*

Ты говоришь то, что они тебе уже рассказали. Да, это правда. Я не умею читать и не умею писать. Но ведь кто-то должен поведать миру о моем и не только моем горе. Я думаю, что именно мне и предстоит это сделать. Тогда правда о нем шаг за шагом раскроется. Я никогда и ничего не знал о книгах. Но зато я умею разговаривать, и это у меня получается хорошо. Я могу вам рассказать о том, что пережил, словами, наполненными грустью и болью. По правде говоря, вся моя жизнь действительно наполнена этими чувствами. Я имею в виду грусть. Она очень похожа на ту, которую можно увидеть в глазах стайки ничего с утра не клевавших цыплят, мокнущих к тому же под проливным дождем и мечтающих только об одном, чтобы этот дождь, ужасный и бесконечный, наконец, закончился.

Я рассказывал эту историю, наверное, тысячу раз. Правда, теперь я не помню, сколько раз это

было. Я только знаю, что много. Сейчас я обычно повторяю эти слова, вытаскивая каждое из себя, как будто я их читаю в напечатанной в моей памяти газете. Одной из тех, которые продаются в столице. Однако никто и никогда не просил меня рассказать эту историю для того, чтобы потом поместить ее между двумя обложками книги, наполненной всем тем, что вызывает у меня чувства горести и грусти.

Книги, прочитав которую мудрые мужчины, симпатичные женщины и обычные люди, такие как я, смогут представить себе, что означает оказаться в месте, где справа от них нет ничего, кроме моря. Еще немного моря плещется прямо перед ними в том месте, где в него впадает большая, широкая зеленая река. Потом опять море... Вот тут как раз мы и находимся. На острове, где, кроме нас, нет больше ничего. Точнее, есть просоленная земля и камни, камни... Их было бы достаточно, чтобы выложить дороги в моем городке, да и во всех остальных городах провинции.

Это история мужчин, которые провели здесь много лет, наполненных одиночеством. Где я сам должен был существовать в полнейшем одиночестве независимо от того, что дарил мне каждый новый день и что я потом мог о нем вспомнить: что-то на мгновение радостное или, наоборот, плохое. То есть то, что стало причиной моего пребывания в тюрьме острова Сан-Лукас. Помимо камней

и ужасных солдат-охранников здесь было также и что-то хорошее: пыльные с громождающимися на них глыбами дороги, утренняя прохлада, окрашенные в фиолетовый цвет полдни, когда солнце «раскрывается», подобно цветку при дороге, повисшей над морем, вдоль которой этот цветок потихонечку движется себе и движется, очень медленно, как все вокруг, пока вдруг не наступит туманная ночь — черная, как речная глина зимой, в которой иногда проглядывается белая луна, подобно тому, как в прибрежных волнах время от времени появляются и вспыхивают белым перламутром на поверхности воды пустые раковины покинувших их устриц. Но прежде, чем я расскажу вам о том, что из себя представляла моя жизнь в этой адской тюрьме, вы должны мне пообещать, что меня не накажут за эти слова. Не отправят назад. Никто не должен пострадать! Я прошу! Потому что это будет ужасно, если за рассказанную правду, о чем вы меня так просите, я опять должен буду плакать и страдать. В тюрьме так горько! И так пахнет зверем... Ладно. Теперь, когда вы уверили меня, что мне нечего бояться, я начну понемногу рассказывать, как я это обычно делаю, и в той манере, в которой умею, о том, что происходит иногда с человеком в его жизни.

Я жил на другой стороне реки Мороте, которая берет свое начало в горах в нескольких днях пути от залива Никоя. На ее берегах я стал